

Иллюстрация: ОВД-Инфо

22.07.2022, 09:04 Ингушетия

свой опыт

«Пусть Изабелла перестанет писать». Рассказ мамы ингушской журналистки, чью семью третируют силовики из-за текстов дочери

После того как на лидеров протестов в Ингушетии **завели** уголовные дела, силовики давят на семью Изабеллы Евлоевой, главного редактора независимого регионального издания «Фортанга». Ранее мы подробно **рассказывали** историю Евлоевой — ее родных обыскивают, вызывают на допросы и уговаривают заставить журналистку прекратить писать. Публикуем монолог матери Изабеллы Фаины Цороевой.

Обстановка в Ингушетии после **МИТИНГОВ** [против передачи земель Чечне] сильно изменилась. Стало опасно. Если ночью у нас отключают связь, а это бывает очень часто, значит, за кем-то пришли, где-то идет обыск. Чаще всего отключают в полночь. В ту ночь, когда к нам первый раз пришли, тоже глушили связь.

Еще до этого, в начале 2019 года мне отказались продлить контракт на работе. Я работала инженером-проектировщиком газовых проектов в «Газпроме». Мне несколько месяцев не объясняли [причины увольнения], а потом директор сказал: «Я ничего против не имею и ничем не могу помочь, мне сверху сказали, чтобы тебя убрали с работы из-за дочери».

Она с детства любила справедливость. Она была очень умным ребенком. В пятом классе перечитала все детские книги и уже переходила на взрослые. А я ей не давала, говорила: «Бэлла, тебе это еще рано читать». Она тайком брала. Не было в доме книги, которую она не прочитала.

Мы некоторое время жили в Казахстане. Когда возвращались, Бэлла была в десятом классе. Директор и ее классный руководитель ко мне подошли и говорят: «Мы знаем, у вас рано выдают замуж, но это уникальный ребенок, дайте ей дальше учиться». Действительно, после 11 класса мы ее выдали замуж. Она сразу уехала в Москву. Муж у нее тоже умница. Она развивалась, не бросила все это. Потом они с мужем вернулись, Бэлла работала на телевидении.

Когда начались протесты, ее муж туда ходил. Бэлла все время была рядом с ним, работала ночами.

Территориальный вопрос и меня возмущал, он всех возмущал. Поэтому я спокойно отнеслась к ее работе.

Иногда даже, читая, что она пишет, — не сочтите за хвастовство — я ей восхищалась.

Джума-намаз. Магас. Девятый День Акции Протеста.

 YouTube

А мой муж с осторожностью относился к этому. Видимо, он знал силовиков лучше, чем я. Он всегда говорил: «Бэлла, подумай о семье, о детях, ради них уходи, не пиши, не мельтеши там». Для ингушской женщины такое поведение, конечно, смело. Но муж Бэллы ее поддерживал.

В феврале [2019 года] дочь уехала за границу по программе для журналистов. 26 марта был второй митинг [против передачи земель Чечне], после этого людей начали задерживать, и она осталась за рубежом. С тех пор мы с ней так и не виделись.

Первый обыск был 22 ноября 2019 года. Чуть свет приехали на огромных машинах, много, очень много людей — порядка 20, если не больше. Можно сказать, оцепили [дом]. Видимо, они боялись, что мы как-то уйдем через забор, не знаю. Они стояли вдоль улицы, они были во дворе, в огороде, в доме, на цокольном этаже.

Так как я работаю проектировщиком, у меня всегда много бумаг дома. Для экономии я храню черновики проектов, чтобы на обратной стороне что-то напечатать. Они

рыскали там, все смотрели, проверяли. Чувствовалось, что некоторые не по своей воле это делают, виновато так смотрели, особенно те, кто помладше. А главные вели себя как короли.

Докопались до сына. Младший сын — ему 30 лет было — жил тогда с нами, у него с полицейскими небольшая стычка произошла, он как бы меня защитил. Не помню, что-то грубое в мой адрес сказали, он не смог это стерпеть и сделал замечание. Я завела его в дом, говорю: «Оставь, пусть делают свою работу».

Это было утром, мы еще не проснулись. А я тесто наготовила на оладки с вечера. Мы голодные, я вижу, что они тоже голодные. Следовательно сидит, пишет, тянет время. Я сделала оладки, чай, варенье, сметану поставила. Ешьте, говорю. Там были солдатики, которых тоже забрали без завтрака. Старший их отказывается. Я говорю: «Сегодня пятница, священный день, садитесь за стол». Они сдались и с таким удовольствием поели.

Обыскивали с восьми утра до половины пятого. В какой-то момент меня позвали во двор и спрашивают: «Может быть такое, что со стороны соседей или администрации через забор заходили, что-то брали у вас, воровали?» И у мужа тоже спрашивали. Меня сразу это насторожило. Подумала: «Что-то хотят подкинуть». Боялась, что сыну наркотик подкинут, чтобы забрать его.

Потом в доме как будто документы нашли — устав [незарегистрированной организации Ингушский комитет национального единства (ИКНЕ)]. У меня бумаги стопками лежат, они однотипные. А этот совершенно новый, только что отпечатанный. И к этому уставу еще маленький огрызок с именами и номерами Бараха [Чемурзиева], Ахмеда Барахоева, Малсага [Ужахова] (фигуранты [дела о протестах](#) в Ингушетии — *ОВД-Инфо*). Подают мне и спрашивают: «А это что такое?» Я отвечаю: «Не наше».

Почему, говорит, не ваше, у вас же нашли. Я сказала:
«С вами и не это найдешь».

Обвиняемые по «Ингушскому делу» Малсаг Ужахов, Ахмед Барахоев, Муса Мальсагов, Барак Чемурзиев, Багаудин Хаутиев, Исмаил Нальгиев, Зарифа Саутиева перед оглашением приговора. Ессентуки, 15 декабря, 2021 год / Фото: ПЦ «Мемориал»

Этого устава не существует вообще, это общественная организация, какой устав может быть. К тому же Бэлла в 1998 году вышла замуж, с нами с тех пор не жила, ее вещей у нас дома просто нет.

Забрали компьютер и три мобильных телефона — наши с мужем и сына. Обещали, что вернут все в течение месяца. Но какое там. Мы наняли адвоката, но так и не нашли их, не нашли даже следователя, который был [на обыске]. Его звали Ислам Коков, он из Кисловодска. Написали туда, пришел ответ, что такого нет.

7 июня [2022 года], после того как уже **уголовные дела** [по статье о «фейках» про российскую армию] на Бэллу завели, был повторный обыск. В этот раз были следственный отдел, полиция, ЦПЭ, участковый — человек 10-12, меньше, чем в прошлый раз. Понятым был сосед.

Он мне потом сказал: «Не переживайте, когда дети вырастают, появляются проблемы, а мы как родители должны им помогать». Соседи нас поддерживают, они понимают, с кем имеют дело и что за люди к нам приходят. У нас чуть ли не через дом от [силовики] страдают люди.

В этот раз опять забрали телефоны. Обещали вернуть через две недели, но так и не отдали. Когда Бэлла написала пост [об обыске], следователь позвонил моему мужу и говорит: «Почему она это пишет? Я могу вам вообще ничего не вернуть». Пригрозил как бы.

У меня очень болят суставы. Как только я начинаю нервничать и переживать, потом не могу ходить. Давление резко подскакивает, 210 на 150. Во время второго обыска мне стало плохо. Меня забрали в больницу, а Бэлла, бедная, переживала, не могла нас найти. У нас не было телефонов, чтобы ей сообщить. Да и не до этого было. Она прислала своего свекра домой, а нас нету. Он уехал. Второй раз вечером приехал, мы уже дома были. С его телефона я поговорила с Бэллой. Муж в это время поехал покупать новые телефоны.

Почти ко всем родственникам теперь так или иначе приходят, всех допрашивают. Давят на нас. Выяснять им уже нечего, они все знают. Меня не было дома — к мужу приходили, вызывали его. Участковый и еще кто-то. Названивают, через родственников передают требования — пусть Изабелла перестанет писать, пусть бросит это дело. Чего они боятся, если действуют согласно закону? Почему этих статей так боятся? Значит, у них рыльце в пушку.

Отец Бэллиного мужа очень спокойный, уравновешенный человек. Он был на похоронах своей сестры. Следователь позвонил ему и сказал прийти прямо сейчас. Днем раньше забирали двоюродного брата ее мужа на допрос. До этого к дочке Бэллы приходили. Даже сыновьям моим, которые в Москве живут, звонили, расспрашивали, говорили, что

Бэлла должна бросить писать. Они не просят, а требуют, иначе не оставят нас в покое.

Журналистка Изабелла Евлоева / Фотос из соцсетей журналистки

Она правду пишет, она же права. Любой понимает, что идти против власти — это нажить себе проблемы. Я знала, что у нее будет тернистый путь. Во время первого обыска я поняла, что ее не оставят. Поняла, но не думала, что до такой степени на нас это скажется.

Бэлла уговаривает нас уехать. Я бы уехала, мне это уже надоело. Но муж не хочет, он переживает за сыновей, за родных. Говорит: «Как я буду чувствовать себя в безопасности, если самое дорогое осталось там?» Мы-то уже отжили свое, а у них все впереди.

Я не знаю, что нам делать. У нас оставить родительское гнездо, место, где испокон веков жили деды, прадеды, — не так легко. У нас на это не с такой охотой идут, как может быть другие народы. Поэтому муж мой не очень хочет уезжать, и Бэллин свекр тоже. Он тоже старый, не в том мы возрасте, чтобы жизнь менять. Так и живем в надежде

на лучшее. А с какой стороны это лучшее придет, даже не знаю.

Редакция ОВД-Инфо

Ещё почитать

20.11.2025 [Ингушетия, Кабардино-Балкария](#)

Фигуранта «ингушского дела» осудили на 9 лет колонии

**«У меня внутри огромная дыра. Из нее дует ветер».
Интервью с художницей Алисой Горшениной, которую
вынудили уехать из России**

Ночь в подвале, травля и отъезд из страны.

Требуем запретить «карусельные» аресты

В октябре 2025 года суд в Петербурге отправил под административный арест участников группы «Стоптайм»: вокалистку Диану Логинову (Наоко), барабанщика Владислава Леонтьева и гитариста...

Дело о спектакле «Финист Ясный Сокол»

13 новостей и текстов по теме